

АНАТОМИЯ ЖИЗНИ

Москва, 2006. 5 мая. 26.

Согласно официальной биографии Булат Окуджава был счастливо женат. Супруга — физик по профессии — Ольга Арцимович, которая всегда и повсюду старалась быть с ним рядом.

Однако существовала и другая сторона жизни поэта. О которой мало кто подозревал и которая стала известна лишь сегодня — когда та, которая была в этой его другой жизни, решила нарушить обет молчания.

Муза поэта Окуджавы:

"Он поразительно умел чувствовать неповторимость каждого момента"

ПОСЛЕДНЯЯ

ЛЮБОВЬ

БУЛАТА

Ее голос звенит, как колокольчики, обильно развешенные по всей квартире. Трогательный и высокий, он заставляет перейти чуть ли не на шепот. И внимательно прислушиваться к серебряным переливам.

Мы сидим на уютной кухне часа три. Наталья в который уже раз кипятит воду для чая ("Настоящая родниковая вода, я каждое утро беру ее в соседнем лесу"), но мы вновь забываем и про воду, и про чай. О многом Наташа рассказывает впервые. Потому что как-то это несправедливо: тот портрет Окуджавы, который нарисован в сознании тысяч его поклонников, не совсем верен. Даже так: совсем не верен. На самом деле он совсем другой.

Наталья Горленко: Я очень мистически настроенный человек. И почему-то с самого раннего детства — когда впервые услышала его "Молитву", причем в чужом исполнении, — была уверена: все не просто так. Сердце екнуло: что-то будет. А потом увидела одну из его пластинок с очень известной фотографией на обложке: Окуджава там запечатлен с сигаретой в руках. И опять я что-то такое почувствовала...

Эти мистические знаки были расставлены повсюду. И Наталья всегда внимательно прислушивалась к их присутствию — не пропустить бы чего. Хотя судьба, кажется, делала все, чтобы увести ее от этой встречи.

— Я всегда занималась музыкой, пела под гитару. Но родители считали, что я должна получить классическое образование. Поэтому ни о какой артистической карьере речь идти не могла. И хотя я продолжала выступать на сцене, петь в ансамбле "Гренада", после школы поступила в МГИМО на международно-правовую факультет. И закончила его, между прочим, с отличием! Хотя сразу же попросила свободный диплом и поступила в творческую мастерскую эстрадного искусства. Проучилась год, и... преподаватели посоветовали уйти со сцены — у меня от перенапряжения случился нервный срыв.

Совмещать творчество с законотворчеством оказалось тогда задачей непосильной. И Наташа устроилась на работу — полуподвальное помещение на Кутузовском проспекте гордо именовалось Институтом советского законодательства Минюста СССР. Юная выпускница, твердо пообещавшая врачам больше не петь, работала младшим научным сотрудником, занималась кубинским законодательством — переводила советскому народу законы о культуре — в целях изу-

чения, так сказать, зарубежного опыта.

— А потом случилась наша первая встреча. Я точно помню дату — 3 апреля 1981 года. В тот день к нам в "подвал" пришел выступать Булат Окуджава. Захожу в кабинет и вижу: сидит Окуджава — в окружении всех наших девчонок, которые радостно щебечут вокруг него и угощают чаем. Это был еще один знак: он сидел на моем рабочем месте и вставать оттуда совершенно не собирался.

Фотографии с того вечера сохранились у Натальи до сих пор. Робкая барышня из зала поднимает — как школьница — руку и, задыхаясь от волнения, задает вопрос мэтру: "Скажите, а что у вас рождается раньше — музыка или стихи?" Запомнилось другое — искра, пробежавшая тогда между ними. Вот что было по-настоящему важно.

Подружки тогда сделали все, чтобы Окуджава обратил внимание на Наталью. Долго расхваливали ее таланты, уговаривали как-нибудь послушать ее песни. А после концерта буквально вытолкали девушку из их затхлого подвального: "Беги за ним. Он же сейчас уйдет".

— И я побежала. Хотя ноги от волнения вдруг стали ватными: и зачем надо вот так навязываться. Выскакиваю и вижу: стоит машина — будто он точно знал, что я скоро появлюсь. И так радостно меня спрашивает: "Куда вам ехать?" А глаза — горят. "Никуда не надо. Меня ждут", — сказала как отрезала. Меня действительно ждал муж.

Но перед тем как мы расстались, записали друг друга телефоны. "Только помните: до июня я вне зоны досягаемости. А вот позже можно созвониться".

Но прошел июнь, потом июль, наступил август. Наталья даже не собиралась звонить. Они с мужем ждали ребенка, поэтому все остальное в мире как-то отошло на второй план.

— Я думала: вот рожу ребенка, и мои метания закончатся сами собой. Проблемы сойдут на нет, начнется тихая семейная жизнь. Не случилось.

Ее сын умер прямо у нее на глазах. "Асфиксия" — скупко зафиксируют потом врачи. "Прошу тебя об одном. Только живи", — передаст записку муж. Но как описать словами то, что творилось тогда у нее в душе?

— Это было крушение всей моей жизни. Казалось, жить дальше не имеет смысла. Как я тогда пережила это горе, не пойму до сих пор. Как не могу понять, почему — примерно спустя пять месяцев после трагедии — я вдруг набрала номер телефона Булата. Может, еще не вполне пришла в себя?

У него тогда совсем не было свободного времени. Концерт, потом отъезд в Питер, опять концерт, поезд обратно в Москву. "У меня будет всего полчаса на разговор", — сказал он тогда. — Вы сможете подъехать к Клубу литераторов?

— Та наша встреча была, конечно, какой-то безумной. Я вдруг попросила, чтобы он написал для меня три песни. Почему три? Не объяснить. Я была слишком экзальтированной, еще не оправившейся после потрясения. Я не знала, что Булат вот уже лет восемь не писал новых стихов, не то что песен. "Не пишется. Да к тому же, вы знаете, то, что обычно выходит у меня из-под пера, вряд ли вам подойдет. У меня все больше о смерти". "Конечно, о смерти. Вы знаете, я так люблю о смерти!" Он, помню, посмотрел на меня с недоумением и лишь протянул: "Ну, право. Должно же быть какое-то соответствие образа, облика". И я вдруг почувствовала, что эта встреча уже просто так не закончится.

Дату, которая стала самой главной и решающей в их взаимоотношениях, Наталья тоже помнит до сих пор — 10 декабря 1982 года. С нее началась другая жизнь — с тайными встречами, сумасшедшими переездами по стране, случайными звонками, страстными признаниями.

Повстречались с тобой в апреле. В октябре говорила с тобой. А декабрьские выюги-метели нарекли мне Тебя Судьбой.

Нарекли, усмекаясь. Связали.

Лютым холодом обожгли:

Ты просила?! Бери! Едва ли

Для скитаний вам хватит земли...

Он часто писал ей письма, посвящения, стихи. Тонкие, остроумные, полные любви и ласки.

— У меня нередко было состояние действительно трагическое — и это несмотря на то, что со стороны все складывалось прекрасно, мы постоянно обсуждали, как будем жить дальше. Но вот эта вечная забота о дне завтрашнем — она все отравляла. Во-первых, были мои родители, которым сложившаяся ситуация очень активно не нравилась. Была эта разница в возрасте, которая тревожила и меня, и его. И главное — было то, что он — несвободен.

Почти целый год это было только их тайной. А потом вдруг стало как-то все равно: к чему скрывать, зачем постоянно таиться?

— Помню, мы поехали на концерт в Тверь, в Конаково — встреча от Общества книголюбов: я, Рита Терехова, Леня Латынин. А Булат был у нас в качестве водителя. Если до этого мы общались лишь на кухне, в кулуарах, за кулисами, то здесь он сел в зал, у всех на виду. А после концерта — практически впервые услышав, как я пою — сказал решительно: "Все, теперь я буду выступать только с тобой". И мы стали ездить на гастроли уже вместе. Так что скрывать наши отношения не было никакой возможности.

— Он постоянно был в процессе — только заходил в квартиру, тут же шел к пианино, брал гитару. Что-то наигрывал, и вот уже — новое произведение. Иногда даже звонил из другого города — помочь найти нужную рифму. И мы совместными усилиями что-то подбирали...

Конечно, их жизнь состояла не только из концертов дуэтом и сочинений новых песен. Окуджава был живым человеком, очень любящим хорошую компанию и долгие посиделки.

— Бывало, крикнет мне: "Птичкин (он меня так ласково называл). Ну-ка быстро сделай, чтобы на столе было все красиво". И я тут же с удовольствием сервировала стол. Хотя он и сам готовил изумительно. Помню, как-то я приготовила баранину в листьях смородины. Он был в таком восторге, что вспоминал об этом еще долгое время. Он умел сделать комплимент. Что вы хотите — восточный человек! Еще он поразительно умел чувствовать неповторимость каждого момента. И это — то, что я впитала от него кожей. Если до встречи с ним я себя трагически чувствовала невосприимчивым в эту действительность существом, то с ним все это куда-то ушло. Потому что он своим даром — любить жизнь — заражал всех остальных. Самое забавное, что он мне частенько говорил: "Ты такая легкая, такая оптимистка". Не знаю, может, такой я становилась рядом с ним. И в конце концов это усвоила. Он всегда находил, чему можно порадоваться. Самое удивительное, что другие считали его не то чтобы тяжелым, но ершистым таким человеком. Помню, Михаил Козаков прямо при нем пытался "открыть мне глаза". "Как ты можешь с ним общаться? Он — холодный, жесткий, черствый". А Булат — абсолютно спокойно — отвечал ему: "Ну, Миша, сколько можно?"

— Да, я от многих слышала, что он замкнутый, очень закрытый. Но его я знала как легкого и жизнерадостного. Со мной он был как ребенок. Не поверите — иногда я чувствовала себя даже старше его.

...Те годы, что они были вместе, стали для Окуджавы очень плодотворными. После восьмилетнего перерыва вдруг новый всплеск в творчестве.

Ольга САПРЫКИНА.

(Полностью об этой истории любви двух поэтов вы сможете прочесть в июньском номере журнала "Атмосфера".)

